

Поездка на Рахуй

«На острове Таити
жил негр Титти-Митти»
(из фольклера)

На самом деле негры на Таити не живут. Их там не больше чем в России.

Вдоль берега шло отличное забетонированное шоссе, по которому в дорогих открытых машинах мчались дикари-полинезийцы, а я, белый человек, с тяжелым грузом по жаре, весь в поту плелся в гору пешком. Отель “Country Club” стоит на отшибе за городом на склоне горы. Номер мне был уже из Мюнхена забронирован. Я спросил у портье, смогу ли я попасть на необитаемый остров.

– Да, да, – обрадовалась портье, – но это будет стоить Вам на 100 долларов дороже. Позвонить?

– Нет, спасибо, – ответил я, – сначала я хочу побывать в *Папаэте*.

В город я поехал на маршрутном такси. Такси – это такие фургончики, закрытые в дождь брезентом. Такси и частные автомобили носятся по дорогам, не соблюдая никаких правил движения.

В городе я стал обходить туристические агентства и всюду наталкивался на стандартный ответ о цене проживания на необитаемом острове. И вдруг меня осенило: я просто не там ищу! Это как если бы я у нас в Гудаутах справлялся о цене номера в гостиничных башнях “Интуриста”. А рецепт дешевого жилья известен. Надо идти в квартирное бюро в Сухуми или на вокзал. Там можно снять крохотную комнатку, где вы будете спать на полу, почти в обнимку со старухой-хозяйкой, а в открытое окно будет непрерывно лезть ее коза, а еще в этой разваливающейся хибаре будут жить 25 “дикарей”. Сообразив это, я отправился искать местное туристическое агентство. И вскоре нашел. За столами сидели очаровательные таитянки и, что важно, щебетали по-английски.

Я сказал, что мне нужен отель на одном из островов архипелага *Рангироа*, а еще я хочу пожить на необитаемом острове.

– Да, – ответила девушка, – у нас есть отель “Bangiroa Lodge Auturu” на *Рангироа*. Номер Вам обойдется в 21USD.

Это почти в 10 раз дешевле, чем в дорогих отелях, где деньги берут за кондиционеры, холодильники, европейское постельное белье; душ, ванну и туалет в каждом номере; искусственные бассейны; слуг в дорогой униформе и т.п. Всего этого мне не надо было.

– Что же касается необитаемого острова, то Вы, по-видимому, хотите поехать на *Рахуй*.

– А что такое *Рахуй*? – спросил я.

– *Рахуй* - это небольшой необитаемый остров, на котором никто не живет, – пояснила девушка. – Только раз в году туда приезжают рабочие собирать

кокосовые орехи и извлекать из них копру. (Копра это такая белая мягкая масса, которая выстилает скорлупу ореха изнутри. Из нее изготавливают кокосовое масло, маргарин и мыло.)

– На острове стоит только навес от дождя, и больше нет никаких удобств.

– Да, – сказал я, – хочу на *Рахуй*.

С этого момента моя эпопея стала называться “*Поездка на Рахуй*”.

С сознанием сделанного дела и легким сердцем я отправился осматривать город. *Папаэте* был построен в классическом колониальном стиле. По внешнему виду и по архитектуре (да и по размерам) он похож на Сухуми. Но на Сухуми с хорошо отскобленными, отпескоструенными, покрашенными специальной белой краской (как в Париже), сверкающими на ярком тропическом солнце стенами домов.

Одно из наиболее интересных мест в каждом городе – рынок. Южный базар *Папаэте* это особенно красочное зрелище. Он весь завален какими-то диковинными овощами и фруктами. Например, красными, желтыми и зелеными толстыми палками таитянского картофеля. Во фруктовом крыле рынка лежали горы кокосовых орехов, бананов, ананасов, каких-то особенных серповидных груш, киви, хурмы, черные ягоды тутового дерева, финики, фиги, различные сорта персиков, в том числе и плоские как колеса. Названия большинства из них я просто не знал, как, например, желтых продолговатых с продольными складками на коже, вдоль которых росли колечки.

И это особенно контрастировало с пустыми полками в магазинах Ленинграда. За хлебом люди вставили с раннего утра и ждали, когда его привезут. Хвост очереди был на улице. Люди стояли, плотно прижавшись друг к другу. Давали одну буханку в руки. Мой шестилетний внук Юрочка тоже стоял в этой очереди перед женой Тamarой, крепко обхватив ручонками стоящего впереди человека. Когда очередь входила в душное, битком набитое помещение магазина, то некоторые падали в обморок. В середине февраля моя жена в такой очереди потеряла сознание, и скорая помощь увезла ее в инфарктное отделение городской больницы в палату реанимации. Когда я примчался туда, жена без сознания лежала на операционном столе. Главный врач отделения сказал мне, что неизвестно,

доживет ли она до утра. Утром следующего дня, когда жена все еще была жива, главный врач сообщила мне, что к концу этой недели она точно умрет. В середине следующей недели ее перевели в палату интенсивной терапии, где она опять несколько раз теряла сознание, и ей запретили вставать с постели. Через месяц с небольшим надо было по фонду А. фон Гумбольдта лететь в Мюнхен. Дорогие авиабилеты в бизнес - классе “Люфт-ганзы” были куплены задолго заранее. Тамара уже начала вставать с постели и понемногу ходить по палате. На семейном совете мы решили ехать! Лечащие врачи категорически возражали, и мне пришлось выписывать ее под расписку, что несу ответственность за последствия отказа от лечения. Через двое суток мы уже ехали в международный аэропорт Пулково-2. Мы с сыном Витей боялись, что она не сможет дойти до трапа самолета. Но Тамара – мужественная женщина, и, хотя и последняя, дошла и села в самолет. Только в Мюнхене она стала постепенно приходить в себя.

Но я отвлекся. Вернемся на рынок. Самое красочное крыло – цветочное. Прилавки завалены цветами, которые стоят всюду: на полу, на полках, висят в кашпо. Красные, синие, желтые, фиолетовые и нежно голубые цвета перемешиваются между собой. В воздухе стоит сильный запах магнолий, который я помню еще из Крыма, с далеких лет войны. Вокруг у всех на головах - пышные венки. Цветы составляют важную часть в жизни таитянских женщин (да и мужчин тоже). Их носят, вплетая в волосы, в виде венка на голове, в качестве ожерелий. Дамы, встречая друг друга (не только таитянки, но и француженки), хвалят подбор тонов, вкус хозяйки, оригинальность замысла и архитектуру сооружения. По всем торжественным случаям: встречам, расставаниям, рождением детей и другим праздникам на шею надевают гирлянду цветов – *Хэйтиара*. Толщина гирлянды зависит от благосостояния хозяев, уважению к гостю и важности события.

Продавец заворачивала на прилавке крупные, сладострастно пахнущие цветы магнолии в какие-то зеленые листья, делая из них квадратные конверты. Я спросил ее, зачем она это делает, и она объяснила мне, что так они дольше сохраняют запах, и их можно даже вести за океан. Когда я улетал назад, я зашел на рынок, купил несколько конвертов и подарил их в Мюнхене жене и секретаршам в отделе. Они пахли, как только что срезанные. Еще больше месяца запах магнолии напоминал о далеком прекрасном острове.

Между тем, стало темнеть. Южная ночь наступает быстро. На небе зажглись яркие незнакомые звезды. В их числе – Южный Крест. По слабо освещенной пустой набережной я пошел в отель “Country Club”. На противоположной стороне, слабо освещенной синим неоновым огнем, располагались бары. От стойки одного из них отделилась женская фигура. Помня, что все подвиги еще впереди, я ответил: “Sovetico”, - и смущенно развел руками. «Ну, погоди, вот ужо вернусь», – подумал я. В отель я вернулся поздно и попросил включить и осветить бассейн. Хотя никого не было, я проплавал почти час. На следующий день все из того же аэропорта *Faaa* я вылетел на *Рангирао*.

Там живут несчастные люди-дикари

На лицо ужасные, добрые внутри.

Самолет был старенький, довоенной постройки немецкой фирмы “Фоккер-Вульф-5”. В нем было 8 пассажирских мест. Летел он не спеша, совершив попутно две посадки на другие острова. Наконец, через три часа под нами показалась аквамариново-голубая лагуна архипелага *Рангирао*. Из его 75 островов обитаемым является только один, на котором расположена деревня *Аватуру*. Большая лагуна

окаймлена узкой полоской земли, где из песка растут редкие кокосовые пальмы. Там меня уже ждал разбитый грузовичок, хозяин которого отвез меня в отель. Отель - попросту деревянный сарай из 10 номеров, который стоял у самого края лагуны в 5 метрах от воды. На другом его конце жил молодой французский офицер. Удобства были во дворе в деревянной будочке. Но это был отдельный ватерклозет и душ с горячей пресной водой. Фаянсовый туалет с металлической цепочкой для спуска воды, надраненным деревянным полом выглядел очень чистеньким.

Как я и договаривался с девушками в *Папаэте*, сутки проживания в этом отеле стоили 2 тыс. PF (21USD/сут.). Я еще взял полупансионат с мобильным завтраком и внушительным ужином (около 37USD/сут.). Днем из-за сильного полуденного зноя есть не хотелось. Вечером я наблюдал, как хозяин готовит нам ужин. Провизию поставляли соседи. Между дворами не было никаких заборов. Сосед в обтягивающем гидрокостюме, ластах с трубкой и подводным ружьем прямо с берега нырнул в лагуну. Через 10 минут он вынырнул, держа на острие ружья рыбу – попугая. Я такой никогда не видел. У него был огромный, обведенный черным кругом, желтый глаз, желтая грудь, яркий голубой низ и темно-синяя головка. «Клюв» был черный. Сосед принес попугая нашему хозяину, и тот стал быстро его разделывать. Наш хозяин был китаец, а лучше китайцев никто не умеет готовить. Вообще-то, не являясь коренным жителем Таити, он не имел права держать гостиницу. Но поскольку он был женат на таитянке, ему это позволили. Я сидел вечером в ослепительно-белой рубашке, любуясь играющими в воде лагуны дельфинами и ярко-красно-огненным закатом. На мне была белая теннисная куртка, купленная в знаменитом магазине “Sieben etagei” (“7 этажей”). Ее пришлось специально заказывать на складе, так как сезон для продажи летней спортивной одежды еще не наступил. Ночью нам дали скрученные фитили, которые медленно тлели, отпугивая своим запахом moskitov. Одной плошки как раз хватало на одну ночь.

Утром мой сосед, офицер французской морской палубной авиации, Мермет подарил мне ласты, маску, трубку и перчатки на руки. Он ввел меня в воду и дал

первый урок погружения. До этого я под водой не плавал. Я был ошеломлен. В пяти метрах от берега начинались пятиметровые скалы. Среди них плотной стайкой сновали ярко желтые рыбки с черной поперечной полоской. Они были плоские, длиной около 25 см. Сразу же за нами шла плоская стая бок-о-бок странных, толщиной и длиной с руку, рыб. Среди них плавали небольшие акулы и хватали их. Из-под камней скал высывались безобразные мурены и тоже хватали рыбок. По дну боком ковыляли большие красно-коричневые крабы. При малейшей опасности они зарывались в песок, выставляя вверх мощную клешню. Рядом в песке сидели крупные креветки, тоже хватая мелкую рыбешку. По дну ползли морские звезды. Они иногда хватали креветок, обвивались вокруг них, убивая их своим мощным ядом. Плотно вцепившись в скалы, росли морские актинии. При виде добычи они мгновенно раскрывались и убивали ее с помощью ядовитых усов. Затем они заглатывали ее и начинали переваривать. По ним шмыгали совсем мелкие рыбки, которые чистили их от остатков пищи. В отдалении кувыркалися дельфины, выпрыгивая из воды за воздухом. Надыхавшись и насытившись, они часами лежали на дне, переваривая пищу. Еще дальше проплывали небольшие киты, процеживающие планктон. И все это великолепие бурлило, клокотало, жило.

Вечером после сытного и вкусного рыбного ужина с легким французским белым вином, я сидел в ослепительно белой рубашке в пяти метрах от края воды и смотрел, как киты пускают фонтаны и кувыркаются дельфины. Я сидел и смотрел, как переливается золотисто-красными закатными красками

небо *Рангира*. Считается, что на *Рангира* самые красивые в мире закаты. Я сидел, смотрел на игру красок на небе и думал, что вот через сорок пять лет после того, как это было задумано, я близок к цели. Из мальчишки-ремесленника я превратился в известного в нашей стране и за рубежом ученого. Эти 45 лет полностью изменили мой внутренний мир и круг моих интересов. Думая о будущем, я решил, что должен отбросить все мелкие темы, сосредоточившись на главной, а остальным уделять лишь самый необходимый минимум внимания. И такая тема была: **изменение во времени фундаментальных физических констант**. На различные бессмысленные заседания Ученых советов, которые я всегда терпеть не мог, нужно уделять минимум времени. Я решил уйти из заведующих сектором физики исследовательских ядерных реакторов, передав его моему ученику и большому другу Алексею Николаевичу Ерыкалову. (Правда, через 8 лет он стал заместителем директора Отделения теоретической физики, и мне пришлось вернуться обратно.)

Утомленный впечатлениями большого, насыщенного дня, я отправился спать.

К сожалению, на этом записи воспоминаний Юрия Викторовича обрываются. Он не успел дописать статью. Его не стало 25 февраля 2007 года. Большой ученый в области физики обладал, как мы убедились, и талантом замечательного рассказчика. Он прожил насыщенную впечатлениями и научными достижениями жизнь, немало благодаря упорству и силе своего характера. Мы знаем, что сокровенную свою мечту он осуществил, какой бы несбыточной она ни казалась. И вспоминая об этом, он хотел донести до молодежи, что не стоит бояться трудностей и неосуществимых задач, а надо дерзать, мечтать и действовать.

[вернуться к списку статей](#)